

В полусне ему приснилось, что Цзинь Шуань идет к нему с ракеткой. Его теннисная майка промокла от пота, плотно прилипла к груди, а глаза горели темным огнем, от чего сердце Хань Чжоу сжалось, и тело хотело отстраниться, но не могло.

Цзинь Шуань вытер лоб, и под белой повязкой на голове показался влажный висок. Он коснулся ладонью щеки Хань Чжоу и сказал:

— Мы не из разных миров. Я рядом с тобой, поверни голову — и увидишь.

Хань Чжоу проснулся в слезах, прижав большой палец к глазнице. Ему было тяжело на душе, и потребовалось время, чтобы прийти в себя.

В последнее время такие странные чувства становились все сильнее. Каждая встреча с Цзинь Шуанем сопровождалась тревожными снами, которые заставляли его нервничать.

Он переживал, но также спокойно размышлял, вспоминая все ощущения, связанные с Цзинь Шуанем. В конце концов, он решил больше не избегать этого, как говорил Лу Е: со стороны виднее.

За те двадцать дней, что они не виделись, он чуть ли не постоянно упоминал «Ань-гэ». После игры в теннис его лицо краснело так часто, что окружающие не могли не заметить.

Но если другие видели, разве он сам не замечал?

Он уже давно не был тем стеснительным подростком. Он чувствовал, что этот человек для него особенный, и не считал это чем-то постыдным. Он не был глупым и не отрицал свои чувства. Хотя он не был уверен, можно ли назвать это любовью, но продолжать мучиться кошмарами было невозможно. Ему нужно было разобраться, попробовать понять.

Хань Чжоу всегда был решительным и ответственным в других делах, и к своим чувствам он должен был относиться так же.

Однако у него не было большого опыта в таких делах. Раньше он ходил на несколько свиданий, но флиртовать и заигрывать он не умел.

Вечером, лежа на кровати, он листал страницу Цзинь Шуаня в социальной сети. Тот редко что-то публиковал, кроме фотографии кампуса Корнелла перед возвращением на родину и одной картинке.

Хань Чжоу, увидев эту фотографию, вздрогнул.

Это была книжка-малышка, которую он подарил Цзинь Шуаню. Тот, вернувшись с блошиного рынка, сфотографировал ее и выложил в сеть. Это произошло на два часа раньше, чем Хань Чжоу опубликовал фото ручки, но тогда он был слишком занят, чтобы заметить.

На фото «Неряшливого короля» Цзинь Шуань просто поставил смайлик в виде желтой книги, цвет которой совпадал с обложкой.

[Ань-гэ, в тот день у меня была задержка с сообщениями, я не увидел твоего комментария. Что ты мне написал?]

[Я отправил тебе желтую книгу.]

[Желтую книгу? Все, Ань-гэ, это сексуальный намек!]

Вспомнив, как он подумал, что Цзинь Шуань делает ему сексуальный намек, Хань Чжоу нырнул под одеяло, закрыв лицо, и начал колотить по кровати, топая ногами. Он больше не хотел разбираться в этих чувствах!

Больше никогда не хотел видеть Цзинь Шуаня!

Стыд!

Какой позор!

К черту ручку и книжку-малышку, лицо уже опухло от пощечин!

Убейте меня!

Через пять минут Хань Чжоу, с красным от стыда лицом, сделал фото своего захлавленного тумбочного столика и опубликовал его в социальной сети с подписью: [Я — «Неряшливый король»].

Кто может видеть — ограниченный доступ — группа исследования — Цзинь Шуань.

Он быстро заблокировал экран, сунул телефон под одеяло, и его лицо стало еще горячее и краснее.

Эта публикация была ясным намеком: «Я — «Неряшливый король», я отдаю себя тебе, мистер Цзинь. Нравится?»

Стыд.

Очень стыдно.

Это действительно слишком стыдно!

Хань Чжоу за всю жизнь не делал ничего подобного, никогда не был так возбужден. После публикации он не мог оставаться в комнате, ему нужно было выйти на улицу, иначе лицо сгорит от жара.

Итак, в половину первого ночи по пекинскому времени Цзинь Шуань, увидев новую публикацию Хань Чжоу, не смог продолжать работу.

Он встал, держа телефон в руке, и несколько раз обошел кабинет, впервые столкнувшись с такой маленькой, но сложной проблемой.

Что означает это сообщение от учителя Ханя?

Оно было очевидным. Учитель Хань хотел заигрывать, хотел быть ближе, хотел, чтобы он помог ему разобраться в своих чувствах, хотел, чтобы он позвонил и сказал, что понял его намек, хотел более близкого контакта.

Итак, учитель Хань действительно получил звонок от Цзинь Шуаня. Он стоял на крыше, держа телефон, и, несмотря на порывы ветра, спокойно сказал:

— Ань-гэ, что-то случилось?

Цзинь Шуань: [...]

Цзинь Шуань позвонил, не подумав, и теперь не знал, что сказать. Он не мог просто спросить, что означает этот беспорядок на столе, это было бы странно и не имело к нему отношения.

Но как это могло не иметь отношения? Если бы это было не так, Хань Чжоу не стоял бы на ветру, затаив дыхание, и его пальцы не дрожали бы от напряжения.

Они стояли так, слушая ветер в трубке, пока Цзинь Шуань наконец не заговорил:

— Где ты? Почему такой сильный ветер?

— Я... — Хань Чжоу, стоя на крыше, глядя на огни города, моргнул. — Я иду домой, черт, ветер действительно сильный.

— Тогда скорее возвращайся, не простудись.

— Подожди! — Хань Чжоу, подумав, что Цзинь Шуань собирается повесить трубку, заволновался. — Ты хотел что-то сказать? Говори сейчас.

Цзинь Шуань снова замолчал, а затем произнес:

— Я просто увидел на твоей фотографии, что под носком выглядывает половина ручки, которую я тебе подарил. Это не «Герой», а «Паркер». Раньше ты, кажется, ошибся, ну...

Хань Чжоу: [...]

Цзинь Шуань говорил сбивчиво, и чем дальше, тем больше терял нить. Он никогда не хотел поправлять Хань Чжоу насчет ручки, это не было важно. Но он не знал, что сказать, и просто схватился за первую тему.

Но для Хань Чжоу это было иначе. Услышав слово «ручка», его мозг взорвался. Его лицо, уже горячее, теперь горело от ветра. И он, кажется, услышал, как Цзинь Шуань с обидой сказал, что он положил подаренную ручку под носок...

Так что, Ань-гэ, ты позвонил не потому, что понял мой намек, а чтобы устроить разбор полетов и убить меня?

Хань Чжоу, запинаясь, пытался объяснить, что носок на ручке — это случайность, и он точно не хотел обесценить подарок.

— Я просто писал ей в тот вечер, заснул, и она оказалась на тумбочке. Утром пошел на работу и забыл убрать, — Хань Чжоу, стоя босиком, чувствовал, как ноги почти теряют чувствительность от холода, и пальцы ног непроизвольно потирали друг друга.

— Ничего, все нормально, — Цзинь Шуань уже пожалел, что начал этот разговор. Он не хотел, чтобы Хань Чжоу чувствовал себя виноватым, поэтому быстро сменил тему:

— Сколько тебе еще идти до дома?

— А? — Хань Чжоу, все еще думая, как объясниться, машинально ответил:

— Минут десять.

— Хорошо, тогда я подожду, пока ты дойдешь.

— ...Хорошо.

<http://bllate.org/book/15564/1415530>